

Мэн Цюн приподняла подол платья и вошла в зал. Возможно, между матерью и сыном действительно существовала связующая нить: по крайней мере Цинь Цзинь, принимавший в этот момент чужие комплименты, словно что-то почувствовал и поднял взгляд. Однако он посмотрел на нее как на пустое место и равнодушно отвернулся.

Мэн Цюн, опасавшаяся, что ее выгонят, изначально планировала сразу поднять шум, но из-за такого холодного приема растерялась. Впрочем, вспомнив об обещанном остатке вознаграждения, она стиснула зубы и, огибая гостей с бокалами в руках, рванула вперед. Ее беспардонные маневры заставили нахмуриться тех, кого она едва не сбила с ног.

— Цинь Цзинь! — Нечистая совесть лишала ее уверенности, поэтому она попыталась добавить себе внушительности визгливым голосом: — Ну ты и подлец! Забыл родную мать, тебе даже дела нет, жива она или умерла!

Мэн Цюн окинула взглядом собравшихся:

— Вы только посмотрите! Этот знаменитый основатель Корпорации Цинь выдает собственной матери всего тысячу юаней в месяц!

Не давая Цинь Цзиню вставить слова, она выпалила на одном дыхании, пока слезы портили её макияж:

— Когда ты был маленьким, я тайком навещала тебя! И только из-за договора с твоим отцом я не смела показаться открыто!

Затем Мэн Цюн ткнула пальцем в Ли Сяньфу:

— Я знаю, именно недостаток материнской любви заставил тебя воспылать к нему извращенными чувствами!

Ли Сяньфу:

— ...

Присутствующие на банкете гости обомлели. Разве не ходили слухи, будто у Цинь Цзиня нежные отношения с Ли Сичунем? Неужели Ли Сичунь был лишь прикрытием?

Неожиданно попавший под удар Ли Сяньфу пожал плечами:

— Девятилетнее образование так и не научило вас правильному использованию слова «извращенный».

Он даже не стал ничего отрицать. Мэн Цюн на мгновение опешила — выдуманная ею сцена, где толпа осуждающе шепчется, так и не материализовалась.

Вскоре кто-то из гостей добровольно шагнул вперед:

— Родить родила, а вырастить не вырастила. Тетушка, господин Цинь и так проявил великодушие. Будь я на его месте, я бы и тысячи не дал.

Едва эти слова прозвучали, как плешивый мужчина лет сорока с лишним громко хлопнул по столу:

— Настоящая любовь не грех! Сударыня, проявите уважение к искренним и прекрасным

чувствам!

— ...

Организатор вечера подошел лично извиниться перед Цинь Цзинем, объяснив, что охрана недоглядела. В то же время он со вздохом заметил, глядя на Мэн Цюн:

— Мой прадедушка рассказывал, что его мать в свое время работала на трех работах, чтобы оплатить его учебу. Вот это была великая и самоотверженная женщина! А вам, как матери, должно быть стыдно.

— ...

Организатор хотел было велеть охране вывести женщину, но посчитал это не совсем приличным — всё-таки она считалась матерью Цинь Цзиня. Плешивый мужчина проявил сметку и сам предложил:

— Мне как раз нужно выйти встретить человека, заодно и выведу её.

Мэн Цюн поначалу упиралась, но Ли Сяньфу наклонился и тихо шепнул ей на ухо:

— Обидеть одного человека — пустяк, но если испортите отношения со всеми здесь, вряд ли ваша дальнейшая жизнь будет гладкой.

С этими словами он выпрямился, одолжил у кого-то ручку, записал ряд цифр и произнес обычным тоном:

— Уже поздно, на дорогах небезопасно. Это номер моего водителя, он довезет вас обратно.

Вот теперь в зале наконец раздался шепот — правда, это были нарочитые похвалы в адрес Ли Сяньфу: какой он вежливый и воспитанный.

Все собравшиеся сегодня на банкете — как гости, так и хозяева — относились лишь к внешнему кругу высшего общества. Поэтому заискивать перед настоящим молодым господином из богатого семейства было для них естественным делом.

Стоило выйти на улицу, как ледяной ветер заставил Мэн Цюн покрыться мурашками. Она всё еще пребывала в полубессознательном состоянии. Прерывисто дыша, Мэн Цюн неожиданно схватила за рукав раздраженного плешивого мужчину:

— Разве вам не противно?! Он же гомосексуал! К тому же бросил родную мать!

Плешивый мужчина был необразованным нуворишем, поэтому ляпнул без церемоний:

— Тетушка, а сама-то ты зачем сюда приперлась? Не за деньгами ли?

Мэн Цюн хотела возразить, но слова застряли в горле.

— Да хоть кто он такой! Лишь бы заключить сделку, а там пусть у него дети хоть чужие будут — мне без разницы. — Лицо мужчины сияло. — Тетушка, все существа равны. Если уж ты сама падкая на деньги, то позволь и нам быть такими же.

— ...

Мэн Цюн осталась стоять одна. В тонком вечернем платье она дрожала от холода и решила первым делом вернуться домой, а там видно будет.

Она набрала номер водителя, оставленный Ли Сянфу, и вдруг на экране высветилось имя Цинь Цзиня. Сверив цифры, она поняла: это действительно был телефон Цинь Цзиня.

— ...Скотина.

Что это значит? Показывает их неземную любовь?!

При этой мысли она отвернулась и с досадой сплюнула: «Тьфу!»

Автор хочет сказать:

Плешивый: Все существа равны.

Ли Сянфу: У вас отличная мудрость.

Мэн Цюн: ...

В зале.

Гости не могли не испытывать изумления, однако вовремя отвели любопытные взгляды и вели себя с подчеркнутым спокойствием.

Вернувшись, плешивый мужчина посмотрел на беседующих Ли Сянфу и Цинь Цзиня и погрузился в глубокие раздумья. Вспоминая недавние слова Ли Сянфу, он пришел к выводу: это звучит так, будто тот признал чувства Цинь Цзиня к себе, а не их взаимную симпатию...

«...Вот так высокочлассный ловелас».

Ли Сянфу, свято веривший, что хранит свою чистоту перед лицом всего мира, даже не подозревал, как превратно истолковали его натуру, и спокойно разговаривал с Цинь Цзинем.

Тень в глубине глаз Цинь Цзиня рассеялась вместе с уходом Мэн Цюн. Изогнув бровь, он усмехнулся:

— Не знал, что у тебя есть личный водитель.

— Личный. Берёт дорого, поэтому обычно не показывается.

Цинь Цзинь одарил его многозначительным взглядом:

— Вот как?

Ли Сянфу кивнул:

— Разумеется.

В конце концов, его плата за выезд была далеко не рядовой.

Благодаря тактичности гостей прошлый конфуз быстро замаялся. Вечер вернулся в привычное русло, и присутствующие рассыпались по залу, завязывая разговоры с нужными людьми.

Справа кто-то заиграл на пианино. Мужчины подошли ближе, и звуки музыки укрыли их

беседу от чужих ушей.

Ли Сяньфу прекрасно разбирался в интригах и без труда догадался, что Мэн Цюн действовала по чьей-то указке, иначе не стала бы устраивать такой шум:

— Угадай, кто стоит за этим: Ли Тантан или Су Тао?

Цинь Цзинь не спешил с ответом и сперва спросил:

— Какова ставка?

Если ставка мала, можно назвать заведомо неверный ответ, чтобы просто вызвать у собеседника улыбку. Но если на кону нечто особенное, он предпочтет гарантировать себе победу.

Это было сказано мимоходом, но раз уж вопрос поставили ребро, Ли Сяньфу призадумался. Наконец он произнес:

— Победитель может предъявить проигравшему любое одно требование.

Конкретные рамки он уточнять не стал — оба знали цену приличиям и не опустили бы до нелепостей вроде «отдай мне свою компанию» или «полай собакой при всех».

Цинь Цзинь:

— Кому достанется право первого хода?

Право первого хода давало неоспоримое преимущество.

В кости Ли Сяньфу не был соперником Цинь Цзиню. Немного подумав, он закинул удочку:

— По принципу «уважай старших и уступай младшим, как Кун Жун с грушами»... Начнет тот, кто моложе?

Цинь Цзинь молча посмотрел на него.

Ли Сяньфу слегка кашлянул:

— Давай сыграем в «камень, ножницы, бумага».

Они вполсилы сыграли до двух побед. Наблюдавший за ними издали плешивый мужчина покачал головой: «Все существа равны... Любовь и впрямь лишает людей разума».

Сегодня госпожа Удача улыбнулась Ли Сяньфу. Третий раунд даже не потребовался: он одержал разгромную победу в первых двух.

— Ли Тантан.

Взгляд Цинь Цзиня дрогнул. С проницательностью Ли Сяньфу было невозможно не понимать, что Су Тао гораздо вероятнее.

Возможно, желая вернуть долг за прошлый раз, когда Цинь Цзинь поддался ему, Ли Сяньфу намеренно выбрал ответ, обреченный на проигрыш. Он чуть приподнял подбородок с редким для себя горделивым видом, словно говоря: «Уступаю тебе».

Цинь Цзинь усмехнулся и покачал головой:

— Несколько дней назад я велел секретарю обо всем разузнать. Скоро будет ответ.

Впрочем, в душе оба уже пришли к выводу: это наверняка Су Тао, без вариантов.

В этот момент Су Тао сидела одна в запертой комнате.

Она не слишком тщательно скрывала свои контакты с Мэн Цюн, втайне даже надеясь, что Цинь Цзинь поскорее прознает обо всем и обрушит на нее свое месть. Из этой близкой к мазохизму выходки она пыталась извлечь своеобразное удовольствие.

— Десять лет... или двадцать?.. — пробормотала она, уставившись в стену.

Сейчас на Су Тао висела куча долгов. После разговора с Ли Сяньфу в тот день она поняла, что в ближайшее время ей не повидаться с Цинь Цзяюй. Раз так, отсидеть пару-тройку лет в тюрьме казалось не худшим исходом.

С одной стороны, это поубавит людской гнев и поток брани, с другой — желающих усложнить ей жизнь сейчас хватало: многие артисты, подсевшие раньше на запрещенные вещества, уже нашли новых покровителей и пакостили ей на каждом шагу.

Чем страдать на свободе, лучше уж переждать за решеткой.

Ли Сяньфу целыми днями сидел дома, и добраться до него было трудно, а вот испортить настроение Цинь Цзиню — даже просто мысль об этом доставляла ей удовольствие.

Экран телефона вспыхнул, прервав ее размышления.

— Ничего не вышло.

Первые же слова Мэн Цюн стали для Су Тао обухом по голове.

Не то чтобы Мэн Цюн не хотела сочинить красивую ложь, просто на банкете присутствовало слишком много людей, и при желании любой мог узнать правду.

Су Тао помрачнела:

— Тебя засекла охрана?

<http://bllate.org/book/18300/1757510>